МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

DOI 10.22455/2541-8297-2017-4-53-67

УДК 821.161.1 83.3(2Рос=Рус)

Письма к учителю: К истории отношений И. Анненского и А. Кондратьева

К.В. Сарычева

Аннотация: Настоящая публикация представляет собой подборку из семи писем А.А. Кондратьева к своему учителю И.Ф. Анненскому. Они могут послужить дополнением к реконструкции взаимоотношений двух литераторов. Первое из публикуемых писем относится к 1905 г., когда Кондратьев благодарил Анненского за присланную ему книгу стихов «Тихие песни». Большая часть писем приходится на 1908–1909 гг. В это время Кондратьев и Анненский обсуждают литературные планы, современные им театральные и литературные переложения на мифологические сюжеты. Их связывает, главным образом, общее увлечение античной мифологией. Кондратьев позиционирует себя как ученик Анненского. Вместе с тем он не стал его литературным последователем, а характер творчества Кондратьева Анненскому был чужд. С точки зрения Анненского, Кондратьеву не удалось найти подходящую жанровую форму для мифологических сюжетов.

Ключевые слова: И.Ф. Анненский, А.А. Кондратьев, античная мифология, русский символизм, неомифологизм, эпистолярный

Информация об авторе: Кристина Витальевна Сарычева, PhD, научный сотрудник Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля. Москва, Россия. E-mail: kr.sarycheva@gmail.com.

Знакомство А. Кондратьева с И. Анненским происходит во время обучения в 8-й Санкт-Петербургской гимназии. «В гимназии несколько лет был учеником Иннокентия Федоровича Анненского, с которым поддерживал хорошие отношения вплоть до его смерти», — пишет Кондратьев в автобиографии¹. Под влиянием Анненского у Кондратьева сформировался интерес к античной культуре: «Любовью к античному миру я обязан Иннокентию Федоровичу Анненскому, переводившему на русский язык эврипидовские трагедии»². Интерес к античности связывал учителя и ученика и в послегимназические годы.

¹ Лавров А.В. Автобиографии А.А. Кондратьева // ПОЛУТРОПОН: К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М.: Индрик, 1998. С. 774.

² Там же. С. 772.

Возобновление общения происходит в 1905 г., после того, как оба поэта дебютировали сборниками стихотворений. Часть произведений Кондратьева была посвящена античной мифологии. Анненский, приветствуя дебют своего ученика, отправил ему свою книгу стихов «Тихие песни» (1914). В это время Кондратьев становится участником символистского круга, хотя и стремится «держаться особняком»³. Такое позиционирование по отношению к символистам также послужило поводом к сближению ученика и учителя. С 1905 г. общение Кондратьева и Анненского становится, по видимому, постоянным, основанным на обмене мнений по поводу новых изданий, событий в литературной и культурной жизни.

Шесть из публикуемых писем относятся к 1908–1909 гг. Последнее письмо из настоящей подборки датируется 26 августа 1909 года, оно было написано за два с половиной месяца до смерти Анненского. Письма Анненского к Кондратьеву не сохранились. Они были уничтожены в 1939 г., во время прихода Красной армии в Ровно, куда уехал жить Кондратьев после революции 1917 г.

Античная мифология стала основным предметом творчества Кондратьева петербургского периода⁴. Анненский проявлял интерес к «эллинским» произведениям ученика. 30 сентября 1906 г. он по приглашению Кондратьева присутствовал на чтении его «мифологического романа» «Сатиресса», опубликованного в 1907 г.

В рецензии на это произведение Анненский, указывая на неровное повествование романа Кондратьева, все же с симпатией отзывается о его *стиле*⁵: «Рассказ ведется мастерски. Пусть лодку все время немножко покачивает, но я не осужу за это гребца: в стиле автора Сатирессы есть что-то мягкое, почти баюкающее»⁶.

³ Тименчик Р.Д. А.А. Кондратьев // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 47.

⁴ В 1918 г. Кондратьев переезжает на Волынь. Его роман «На берегах Ярыни» (1930), стихотворения сборника «Славянские боги» (1936) и более поздние произведения в основном посвящены славянской мифологии, хотя так или иначе интерес к мифологии сформировался еще в Петербурге под влиянием Анненского.

⁵ По словам Р. Тименчика, в рецензии Анненского на «Сатирессу» «определена функция прозы Кондратьева в литературном процессе 1900-х годов, предвосхищающая, с одной стороны, программы “кларизма” и “адамизма”, а с другой стороны — перекликающаяся с некоторыми настроениями блоковского “второго тома”: “Если вы хотите уйти хоть на время от психологии шелковых юбок, молитвенников и мертвецы, то загляните в книгу А.А. Кондратьева — на вас пахнет смолой и морем”» (Тименчик Р.Д. Письма А.А. Кондратьева к Блоку // Литературное наследство. М., 1980. Т. 92. Кн. 1. С. 555).

⁶ Анненский И.Ф. Кондратьев А.А. Сатиресса. [Рец.] // Перевал. 1907. № 4. С. 63.

В то же время выбор жанра *романа* для передачи мифологического сюжета вызывает у Анненского сомнения. С его точки зрения, содержание романа должно быть связано с реальной действительностью — автор поучает или пророчествует: «Г. Кондратьев назвал свою сказку романом. Зачем это? И где тот романист, который бы чему-нибудь не учил?

Но если автор Сатирессы и в самом деле писал роман, то я невольно читаю в его строках печальное пророчество»⁷.

Если в рецензии на «Сатирессу» Анненский обратил внимание на несоответствие содержания выбранной жанровой форме, то в кратком отклике на перевод Кондратьева «Песен Билитис» П. Луиса (СПб., 1907) Анненский писал о том, что русский язык не подходит для переложения таких произведений: «Legrand был предвосхищен Пьером Луис, позже автором шутливой проделки с песнями Билитис, которую, кстати сказать, едва ли не напрасно перевели недавно по-русски, так как язык Серпиона, Аввакума и Достоевского невольно обличает бесстыдство александрийских статуэток»⁸.

В статье «О современном лиризме», обсуждая лексический и фонетический облик стихотворений молодых поэтов (Ю. Верховский, Н. Гумилев, Вл. Пяст, С. Соловьев и др.), Анненский упоминает и Кондратьева, отмечая его увлечение экзотизмами. Как и в предшествующих статьях, Анненский обращает внимание на эстетизм Кондратьева («экзотичность обросла красивою строфою») и отвлеченность от реальности:

«Александр Кондратьев (два сборника стихов) говорит, будто верит в мифы, но мы и здесь видим только миф. Слова своих стихов Кондратьев любит точно, — притом особые, козлоногие, сатировские слова, а то так вообще экзотические.

Например, Аль-Уцца, — кто его знает, это слово, откуда оно и что, собственно означает, но экзотичность обросла красивой строфою, и слово стало приемлемым и даже милым —

В час, когда будет кротко Аль-Уцца мерцать,
Приходи, мой возлюбленный брат.
Две звезды синеватых — богини печать —
На щеках моих смуглых горят.

(Сб. «Черная Венера», с. 39)»⁹.

Кондратьев последовательно позиционирует себя как ученик Анненского. По его письмам к учителю видно, что он прислуши-

⁷ Там же.

⁸ Анненский И.Ф. Античный миф в современной французской поэзии // Гормес. 1908. № 8 (14). С. 210.

⁹ Анненский И.Ф. Книги отражений. М., 1979. С. 377.

вается к советам Анненского, во всем разделяет его суждения и интересы, вдохновленный опытом своего учителя, обращается к тем же сюжетам. В то же время художественная манера Анненского, его стиль и мировоззрение не заметны в поэзии Кондратьева. Здесь мы видим влияние Пьера Луиса, Хосе Мария Эредиа и других поэтов, также интересовавших Анненского.

В поэзии Кондратьева мы находим переключки с произведениями Х.-М. де Эредиа. Отметим некоторые из них. Например, название романа Кондратьева «Сатиресса» (1907) отсылает к стихотворению Эредиа «Кентавресса» (*La Centavresse*) из книги стихов «Трофеи». В обоих произведениях присутствует образ стада кентавров. В рецензии на роман ученика Анненский акцентировал его: «В конце повести стадо кентавров, надругавшись над дочерью Пана, убивает и ее, так что влюбленный в нее сатир Гианес может взять только ее холодную, смущающую сумрак белизну. [...] А что же для нас?.. торжество кентавров... стада кентавров?»¹⁰.

В сборнике «Черная Венера» (1909) Кондратьев поместил стихотворение «Анадиомена», сюжет которого — рождение Афродиты из пены — переключается с сонетом Эредиа «Рождение Афродиты». Как и Эредиа, Кондратьев посвятил цикл стихотворений сюжету об Артемиде. В отличие от французского поэта, который мифологические сюжеты облек в форму сонета, Кондратьев экспериментирует, для разных сюжетов используя новую поэтическую форму. Любопытно, что более поздний сборник «Славянские боги» Кондратьева представляет собой собрание сонетов, в которых славянские мифологические персонажи говорят о себе.

По рецензиям Анненского и кратким ответам Кондратьева на замечания учителя видно, что и ему художественная манера Кондратьева не была близка.

Различия в подходе к жанру заметны в воплощении мифологического сюжета о певце Фамире (Фамириде), на основе которого Анненский и Кондратьев одновременно, в 1906 г., создают свои произведения. Анненский пишет на этот сюжет драму «Фамира-кифарэд», Кондратьев — повесть, которую посвящает своему учителю. Повесть Кондратьева тогда же вышла в приложении к газете «Слово»¹¹. Трагедия «Фамира-кифарэд» Анненского (на основе сюжета утраченной трагедии Софокла «Фамир») опубликована была лишь посмертно в 1913 г.

2 августа 1906 г. Анненский писал А.В. Бородиной:

¹⁰ Анненский И.Ф. Кондратьев А.А. Сатиресса. [Рец.] // Перевал. 1907. № 4. С. 63.

¹¹ Понедельники газеты «Слово». 1906. № 13. 15 мая. С. 2.

Лет шесть тому назад я задумал трагедию. Не помню, говорил ли я Вам ее заглавие? Мысль забывалась мною, затиралась другими планами, поэмами, статьями, событиями, потом опять вспыхивала. В марте я бесповоротно решил, или написать своего “Фамиру” к августу, или уже отказаться навсегда от этой задачи, которая казалась мне совершенно тогда не выполнимой. [...]

Между тем в этом году, весной, мой ученик написал на этот же миф прелестную сказку под названием “Фамирид”. Он мне ее посвятил. Еще года полтора тому назад Кондратьев говорил мне об этом намерении, причем, я сказал ему, что у меня набросан план “Фамиры”, но совсем в ином роде — трагического. И вот теперь состоялось чтение моего “Фамиры”¹².

В 1908 г. Кондратьев пробовал написать на мифологический сюжет о певце Фамире драму, как и его учитель, о чем сообщал ему в одном из публикуемых нами писем, однако этот план не был реализован.

Произведения Анненского и Кондратьева отличает также трактовка мифологического сюжета и образа главного героя. В трагедии «Фамира-кифарэд» главный герой — гордый высокомерный музыкант — противопоставлен богам и людям, и за это наказан. В повести Кондратьева Фамирид представлен как герой, осмелившийся вступить в борьбу с богами. Анненский акцентирует проблему искусства и жизни, в то время как проблематика произведения Кондратьева сосредоточена в эстетической сфере. Его переложение древнегреческого сюжета о певце отличает именно то, о чем писал Анненский по поводу других произведений своего ученика — эстетизм, отсутствие веры писателя в создаваемый им самим художественный мир. В связи с этим Кондратьев и не смог написать драму на тот же сюжет. Он сам это понимал и сетовал в публикуемом письме: «...хотел было придать ему драматическую форму, но выходит одно огорчение... Действующие лица говорят, говорят и говорят... да так скучно!».

Письма публикуются по подлинникам из фонда И.Ф. Анненского: РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 334.

1. [Середина 1904–1905? Петербург]

Глубокоуважаемый Иннокентий Федорович,
очень и очень благодарю за книгу. Меня давно интересовал вопрос, кто ее автор. Вас, откровенно говорю, не подозревал, т.к.

¹² Анненский И. Книги отражений. М., 1979. С. 468.

думал, что Вы всецело преданы грекам и римлянам... И вдруг такая неожиданность!¹

Искренне Вас почитающий Ал. Кондратьев
Пересылаемого Вами изображения Ал. Толстого² в продаже не имеется.

Почтовая карточка (Carte Postale). Адрес: Царское село. Царскосельская Николаевская гимназия. Его Превосходительству Иннокентию Федоровичу Анненскому. — Дата на почтовом штемпеле неразборчива. Письмо написано несколько месяцев спустя после выхода в начале 1904 г. «Тихих песен» Анненского, но до конца 1905 г., пока Анненский еще оставался директором гимназии.

¹ Анненский отправил Кондратьеву свой первый сборник «Тихие песни», выпущенный под криптонимом Ник. Т-о. Кондратьев выражает удивление по поводу того, что в книгу включены переводы французских поэтов в разделе «Парнасцы и Проклятые». В письме к Брюсову 28 марта 1906 г. на вопрос об авторе «Тихих песен» Кондратьев отмечал: «Никто мой бывший директор и учитель, заставивший меня полюбить эллинскую красоту» (РГБ. Ф. 386, Карт. 90. Ед. хр. 5).

² Интерес к А.К. Толстому также объединял ученика и учителя; Анненский был автором статьи «Сочинения гр. А.К. Толстого как педагогический материал» (Воспитание и обучение. 1887. № 8. С. 181–191; № 9. С. 212–230), а Кондратьев, будучи ценителем и отчасти последователем творчества Толстого, посвятил ему литературно-критическое сочинение «Граф А.К. Толстой: Материалы для истории жизни и творчества» (СПб., 1912).

2. [29 января 1908. Петербург]

29 янв. 08

ул. Широкая, д.10, кв. 8, Петерб[ургская]стор[она], СПб.

Глубокоуважаемый Иннокентий Федорович,
дорогой Учитель.

На днях случилось мне присутствовать на первом представлении Аристофановской комедии «Женщины в народном собрании»¹. Во вступительной речи, сказанной к публице перед поднятием занавеса, а также в газетных заметках указывается, что Аристофан иронизирует над Платоновской «Республикой». Меня взяло по этому случаю сомнение, и я, глубокоуважаемый Учитель, очень прошу его разрешить. Разве «Республика» была уже написана в то время, как появились «Экклезиасты»? Мне кажется, что сатира Аристофана, помимо вышучивания феминистического движения в Афинах, направлена против какого-либо софиста, предшественника Платона. Против кого именно?

И, действительно, существовало или нет феминистическое движение в Афинах?

Ответом на эти вопросы Вы очень обяжете меня, дорогой Иннокентий Федорович, т.к. ответ Ваш мог бы придать более серьезный характер рецензионной заметке моей для одной из московских газет.

Вас широко почитающий и любящий Александр Кондратьев.

¹ Кондратьев говорит о постановке комедии Аристофана «Женщины в народном собрании» (или «Законодательницы», *Ecclesiazusae*) в переводе В.Е. Теплова на сцене Мариинского театра 26 января 1908 г.

3. [31 января 1908. Петербург]

31 января 1908 г.

СПб., Петерб[ургская] стор[она], Широкая ул., д.10, кв.8.

Дорогой Учитель,
глубокоуважаемый Иннокентий Федорович.

Большое спасибо за Ваше доброе письмо ко мне с ценными историческими указаниями. Почтительно Вас прошу принять от меня экземпляр моей еще не вышедшей в свет книги¹. На переплете ее, как видите, не указано ни цены, ни места склада издания. Когда она выйдет в свет — мне самому не известно. Этих экземпляров у меня только два. Один — для меня, другой по праву принадлежит Вам. Ибо если я кому-либо обязан любовью своей к античному миру, то исключительно Вам.

Сердечно преданный и благодарный Вам ученик Александр Кондратьев.

Письмо написано на бланке Управления железных дорог Министерства путей сообщения, где в 1902–1908 гг. служил Кондратьев.

¹ Сборник мифологических рассказов Кондратьева «Белый козел» (СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1908).

4. [16–18 июня 1908. Петербург]

16 июня 1908

Сердечно благодарю Вас, глубокоуважаемый Иннокентий Федорович, за любезно переданный мне Валентином Иннокентьевичем¹ оттиск Вашей статьи из «Гермеса»². Я прочитал ее, и не успокоюсь до тех пор, пока не познакомлюсь с «Анкеем» и «Книгой Мелиссы» Вьеле-Гриффена, с «Улыбкой Эллады» Жака Маделен, «Дафнисом» Эмманюэля Синворе, с носящими заманчивые заглавия книгами Луи Пайэна³. Последний сборник Ж. Мореаса⁴ я просмотрел, и он мне не понравился, предшествовавших книг его

не читал. Несколько лет я уже мечтаю о том, как бы познакомиться с французским переводом стихов Мелеагра, начитавшись которых П. Луис написал свои «Песни Билитис»⁵, подобно тому, как Марсель Швоб писал свои «Mimes» под влиянием Геронда⁶.

Только связанные с хлопотами по перемене квартиры беспокойства и затруднения мешают мне тотчас же атаковать Цинзерлинга⁷ и порывшись в его каталогах оставить ему заказы с длинным списком книг и имен. Одним из первых стояло бы имя Марка Леграна, т.к. Пьер Луис вышел, если не ошибаюсь, из продажи. По крайней мере никто из знакомых моих не мог отыскать мне в Париже его перевода Мелеагра⁸.

Но почему Вы, Иннокентий Федорович, не сочли нужным упомянуть об Анри Ренье, Альберте Самэн и об одном из учеников Хозе М.-Эредиа, кажется Форэ⁹, три раза уже «коронованном»? А, кроме того, мне казалось, что и оригинальные стихи Пьера Луиса стоили того, чтобы о них упомянули.

Вернусь в настоящее время с Фамиридом¹⁰; хотел было придать ему драматическую форму, но выходит одно огорчение... Действующие лица говорят, говорят и говорят... да так скучно! Вчера попытался было прочесть черновик первого акта, но меня взяла такая тоска, что бросил и решил вновь «когда-нибудь» переделать.

Мне понадобилась для драмы песенка о Дафне, преследуемой Аполлоном. Пробовал начать, но мне вспоминались стихи Сергея Соловьева, и я понял, что после него лучше не трогать этого мифа¹¹.

Вы читали его «Цветы и ладан», Иннокентий Федорович? Если не читали — прочтите¹².

Из молодых меня интересуют Б. Садовской в Москве и Гумилев с Ауслендером в Петербурге. Гумилев подает большие надежды и, когда по примеру Брюсова перестанет ломаться, безусловно даст несколько хороших вещей¹³.

Если Вольф благоприятно рассчитается со мною к июлю, то уеду из Петербурга, быть может даже в Италию¹⁴. Буду бегать там по табачным лавочкам и покупать открытки с фотографиями античной скульптуры. Попытаюсь проветрить немного свою запыленную железнодорожной трухой голову... А море, быть может, расскажет мне хотя бы самую коротенькую сказку... Я так давно не слушал этих сказок...

Если бы я не был женат, то Солнце увидело бы меня созерцающим стенную живопись Кносских раскопок, и сапоги мои дырявились бы о скалы Эллады. В хамаксе прокатился бы я по бульварам Афин... Теперь же если обстоятельства будут благоприятны, я отправляюсь на берега Адриатики.

Помолитесь за меня олимпийским богам, дорогой Учитель!

Вам преданный Александр Кондратьев.

18 июня.

Мой новый адрес: СПб., Петерб. стор[она], Бармалева ул., д. 20, к. 10.

¹ Сын (лит. имя: В. Кривич; 1880–1936) И.Ф. Анненского.

² Статья Анненского «Античный миф в современной французской поэзии» («Гермес». 1908. № 7–10); далее Кондратьев перечисляет упомянутые в статье произведения.

³ Имеются в виду два «эллинистических создания» (по определению Анненского) поэта и либреттиста Louis Payen (1875–1927) «Под сенью портика» и «Персей».

⁴ *Moréas J. Esquisses et souvenirs*. Paris: Société du “Mercure de France”, 1908.

⁵ В 1907 г. вышел перевод Кондратьева книги Пьера Луиса «Песни Билитис». Греческого поэта I в. до н.э. Мелеагра Гадарского («прозу древней Аттики») указывал как один из образцов европейского «неоэллинизма» (в т.ч. Пьера Луиса) также М. Волошин в рец. на «Александрийские песни» М. Кузмина (1906) (*Волошин М. Лики творчества*. Л., 1988. С. 471–477).

⁶ Марсель Швоб (1867–1905) в названии своего цикла прямо отсылает к «Мимиямбам» греч. поэта III в. до н.э. Геронда.

⁷ Август-Вильгельм Федорович Цинзерлинг — петербургский издатель и книгопродавец.

⁸ В своей статье Анненский назвал переводы Марка Леграна «перепевами из Гомера, Аристофана, Мелеагра», отмечал влияние поэзии Мелеагра на творчество Пьера Луиса. (Гермес. 1908. №8 (14). С. 210).

⁹ Поль Фор (Paul Fort, 1872–1960) — французский поэт-символист, драматург, театральный деятель. Парижские литераторы в начале века объявляли его «королем поэтов».

¹⁰ Повесть Кондратьева «Фамирид» была опубликована в 1906 г.

¹¹ Стихотворение «Дафна» из цикла «Пиэрийские розы» первого сборника С. Соловьева «Цветы и ладан» (М., 1907).

¹² Анненский упоминает о сборниках С. Соловьева «Цветы и ладан» и «Стуѓіѓаѓіѓ» (1908) в статье «О современном лиризме».

¹³ Ранний период (1903–1912) творчества Н.С. Гумилева принято считать ученическим, связанным с подражанием В.Я. Брюсову (см.: *Тименчик Р., Щербаков Р.* Переписка [В.Я. Брюсова] с Н.С. Гумилевым (1906–1920) // Литературное наследство. Т. 98. Кн. 2. М., 1993; *Богомолов Н.А.* Гумилев и оккультизм // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 113–145; *Лекманов О.А.* Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000). Оценка Кондратьева относится ко второму сборнику стихотворений Гумилева «Романтические цветы» (1908).

¹⁴ В издательстве Вольфа в 1908 г. вышел сборник рассказов Кондратьева «Белый козел». В этом году Кондратьев совершил поездку в Иерусалим.

5. [2 января 1909. Петербург]

02/01/09

СПб., Бармалева ул., д. 20, кв. 10

Глубокоуважаемый Иннокентий Федорович,
Поздравляю с Новым Годом. Сердечно желаю здоровья и сча-

стья. Мой почтенный привет Дине Валентиновне¹ и Валентину Иннокентьевичу.

Сердечно Вам преданный ученик Александр Кондратьев.

Открытка. Адрес: Его Превосходительству Иннокентию Федоровичу Анненскому. Царское Село. Захаржевская ул., д.39.

¹ Жена (Надежда, или Дина, Валентиновна; 1841–1917) Анненского.

6. [28 марта 1909 ?]

*СПб, Петер[бургская] Стор[она],
Бармалеева, д. 20, кв. 10.
Суббота*

Дорогой Учитель,

Глубокоуважаемый Иннокентий Федорович.

Простите, что только теперь, отдышавшись немного от поглощавшей меня всецело служебной работы, отвечаю на Ваше полное расположения письмо... *Mea culpa!*..

Книга¹, о которой Вы мне пишете, не достаточно продумана и обработана. Вполне с Вами согласен, что не следовало взбираться на ходули (стр. 21)², дабы не показаться смешным в глазах тех, кто понимает дело... Спасибо за то, что не отчаиваетесь за мое будущее. Я же сильно опасаюсь, что такового вовсе не будет. Работа не дает времени для личной жизни. Питаю робкую надежду на лето, когда, кажется, буду иметь несколько свободных недель...

А так бы хотелось порою сесть и писать, все равно, что: прозаический рассказ, рецензию или одну из начатых и незаконченных драм... только бы писать, только бы видеть, как движутся вызванные из темного сна величавые образы древнего, боги, герои, чудовища, химеры и звери, только бы видеть, как блестит, озаряя лик, ласковое, хотя и высоко стоящее солнце!!! Как отрадны шумят сине-зеленые с белыми гребнями волны! Как приятно колышаться на них в ярко раскрашенной барке вместе со стремящимися на подвиг героями! Ветер освежает бодрящим дыханием лицо, а на руках и одежде остаются следы белой соли от брызжащей пены...

Эти призраки, бледные, безгласные и еле заметные изредка издали маят меня за собою, и я не могу, не имею силы за ними последовать на Крит, где в темном лабиринте будет совершено какое-то загадочное убийство, к берегам Трои, Сидона, Тира, Берита, откуда вывозят такие прекрасные ткани, на те маленькие острова, где среди безжалостных камней, бывших когда-то вершинами высоких затопленных гор, плывут одичавшие потомки горделивых атлантов...

И боги всех стран грустно кивают мне головою. «Ты мог бы снова дать нам подобие жизни», — беззвучно шепчут они с укоризненным взором. И это так грустно!...

Стихотворение о болотных бесенятах³ имеет такую подкладку. Кто-то из них открыл мне, что раз в лето, как будто весною, ибо, насколько я могу разуместь, мох на болоте все еще серо-желтого цвета, у них бывает обряд, нечто вроде судного дня у евреев. Один, возведенный в цари, приносится в жертву путем утопления. Жертва, по-видимому, носит искупительный характер и наполняет скорбью существо бесенят. Вполне согласен, что выражение «плакал» следовало бы заменить каким-нибудь иным. Но ведь бесенята в это время были жалкие и беспомощные...

Спасибо за те комплименты, которые оказались в письме, но еще больше благодарю за то, что не потеряли надежды относительно моей способности писать дальше...

Еще раз извиняюсь, что так непозволительно долго Вам не отвечал.

Шлю почтительный привет Дине Валентиновне.

Желаю по возможности весело провести праздники.

Ваш преданный и благодарный Александр Кондратьев

На стр. 7 «Черной Венеры», 10 строчке снизу вместо «за стеною» следует читать «за спиною»⁴, на стр. 21, 2-я строка снизу, вместо «среди» — «среди»⁵. А.К.

Датируется предположительно 1909 г.: Кондратьев указывает свой новый (со второй половины 1908 г.) адрес, при этом письмо написано в первой половине года (до лета); если праздники, с которыми он поздравляет Анненского, — пасхальные, то «суббота», вероятно, Великая (28 марта).

¹ Речь идет о втором поэтическом сборнике Кондратьева: Стихи: Книга 2 (Чёрная Венера) / Обл. Я. Бельзена. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1909.

² Речь идет о стихотворении Кондратьева «Щедрую властной рукой бросил я образы миру...», в котором поэт заявляет, что он «от сна пробудил фавнов, сатиров и нимф». Прибегая к горацанской цитате: «Нет, не умру я совсем!», поэт говорит о том, что боги и существа, воскресшие в его поэзии, станут памятником ему.

³ «Болотные бесенята» («Мы — безвестная нежить болот...»).

⁴ В стихотворении «Лоно Геи кроют росы...» из цикла «Полумесец». Имеется в виду следующий фрагмент: «Ночь простерлась над землею; / Стал стеной густой туман. / Чей-то брякнул за спиною / Переполненный колчан».

⁵ В стихотворении «Щедрую властной рукой бросил я образы миру...»; фрагмент «Дети печали моей, жадно вкусив бытия, / Будут блуждать, как отец, среди равнодушного света...».

7. [26 августа 1909. Поповка]

26 августа

Дорогой Учитель,

Глубокоуважаемый Иннокентий Федорович, прежде всего спешу выразить Вам радость свою по поводу готовящейся на сцене Александринского Театра постановки Вашего перевода «Ифигении-жертвы»¹. На казенной сцене она поставлена будет несомненно лучше, чем несколько лет тому назад в зале Павловой, где мне удалось ее видеть... Помните, как хорошо играла Клитемнестру Котляревская?!...²

По поводу пьесы этой я и направляю Вам, дорогой Учитель, мое просительное письмо.

В той же дачной местности, что живу и я, несколько лет подряд обитает моя знакомая артистка Александринского Театра Мария Андреевна Ведринская³. Собираясь просить дирекцию, чтобы ей позволено было дублировать роль Ифигении, она тщетно пыталась достать в Петербурге оттиск Вашего перевода и теперь через меня просит Вас не отказать ей в высылке* экземпляра «Ифигении-жертвы», буде у Вас такой окажется свободный. Если же свободных экземпляров у Вас не найдется, то не укажете ли Вы, дорогой Иннокентий Федорович, где бы можно таковой приобрести (или хотя бы достать на прочтение).

Не знаю, как сыграет она эту роль, если ей последнюю предоставят (Н.А. Котляревский, по-видимому держит руку своей жены, которая соперничает с Ведринской). Могу сказать только, что всю вторую половину лета она усердно занималась изучением античных танцев под руководством довольно серьезной учительницы (ученицы недавно умершего в Москве гр. Алексея Бобринского⁴), которую вывез для Ведринской из Москвы «муж» ее Николай Александрович Попов⁵, бывший режиссер Московского Малого театра, теперь режиссер Соловцовского Театра в Киеве⁶. Этот Николай Александрович Попов представляет собой очень интересную личность, и если Вам когда-либо придется встретиться с ним, Вы наверно останетесь довольны этим знакомством. А может быть он и окажется когда-либо Вам полезным.

Что касается до Вашего покорного слуги, то он только теперь начал вкушать свой осенний заслуженный отдых после зимней, весенней и летней работы в Госуд[арственной] Думе⁷. Из-за летней работы я упустил возможность совершить очень удобно и дешево две заграничных поездки: одна на юг Франции, другая — в Англию. В особенности, жаль, что не удалось совершить последней. Мне так хотелось посмотреть Британский музей (вернее

* Петербургский адрес Ведринской: Фонтанка, д. 39. (Примеч. А.А. Кондратьева.)

античную скульптуру, там собранную). Ну, да возможность съездить туда не окончательно утрачена. По-прежнему мечтаю о том, чтобы приобрести во французском переводе Мелеагра и прочих греческих лириков. Надоел всем петербургским букинистам. Дорогой Иннокентий Федорович, не было ли новых французских изданий этих поэтов? Если были, пожалуйста, сообщите. Я их выпишу через Вольфа или Мелье⁸...

Прочел, что Вы состоите в числе основателей нового журнала «Аполлон»⁹. Не столько радуюсь тому, что этот журнал основан, сколько тому, что Вы будете играть в нем доминирующую роль.

Шлю мои лучшие Вам пожелания.

Мой городской адрес: Пет[ербургская] Ст[орона], Бармалеева ул., д. 20, кв. 10.

В Поповке пробуду до конца августа, после или перееду в Петербург, или уеду вместе с женою и сыном на Вольту, где проведу остаток каникул и займусь переписыванием и также отделкой нескольких новых рассказов своих¹⁰.

Обратный адрес: Ст. Поповка Ник[олаевской] ж.д., Подобедовка, Большой просп., дача П.П. Кондратьева. — Датируется 1909 г. на основании того, что в письме говорится о начале издания «Аполлона» и постановке «Ифигении-жертвы» в переводе Анненского в Александринском театре.

¹ Премьера состоялась 16 марта 1900 г. в зале Павловой (известие о готовившейся постановке: Театр и искусство. 1900. №11. 12 марта. С. 227). В Александринском театре трагедия в переводе Анненского была поставлена 25 сентября 1909 г.

² Вера Васильевна Пушкарева-Котляревская (1871–1942), актриса Александринского театра, жена академика Н.А. Котляревского, который тесно сотрудничал с петербургским Драмсоюзом.

³ М.А. Ведринская (1877–1948), в 1906–1924 гг. — актриса Александринского театра.

⁴ Гр. Алексей Алексеевич Бобринский (1864–1909), служил в дирекции Императорских театров.

⁵ Н.А. Попов (1871–1949), режиссер и театральный деятель.

⁶ Театр русской драмы под руководством Николая Соловцова (1857–1902) начал стационарно работать в Киеве с 1891 г. (сначала как «Товарищество драматических артистов», затем — театр «Соловцов»).

⁷ Кондратьев поступил на службу делопроизводителем в Канцелярию Государственной Думы в 1908 г.

⁸ Т.е., через сеть универсальной книжной торговли М.О. Вольфа или магазин Мелье и К^о (Невский пр., д. 20).

⁹ Заметки об издании журнала «Аполлон» появились уже в конце апреля 1909 г. См., например: «С осени возникает новый большой журнал “Аполлон”, типа “Золотого Руна”. Во главе журнала стоят С. Маковский, М. Волошин, И. Анненский и А. Вольтинский» (Литературная летопись // Речь. 1909. 20 апр. № 106. С. 4. Без подписи).

¹⁰ Возможно, речь идет о второй книге рассказов Кондратьева «Улыбка Ашеры» (СПб., 1911).

Литература

- Анненский И. Ф. Античный миф в современной французской поэзии // Гермес. 1908. № 8 (14). С. 210–213.
- Анненский И. Ф. Книги отражений. М.: Наука, 1979. 680 с.
- Анненский И. Ф. Кондратьев А. А. Сатиресса. [Рец.] // Перевал. 1907. № 4. С. 62–63.
- Богомолов Н. А. Гумилев и оккультизм // Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М.: Новое литературное обозрение, 1999. С. 113–145.
- Литературная летопись // Речь. 1909. № 106. 20 апр. (3 мая). С. 4. Без подписи.
- Кондратьев А. А. Граф А. К. Толстой: Материалы для истории жизни и творчества. СПб., 1912.
- Кондратьев А. А. Фамирид // Понедельники газеты «Слово». 1906. № 13. 15 мая. С. 2.
- Лавров А. В. Автобиографии А. А. Кондратьева // ПОЛУТРОПОН: К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. Moscow, Indrik Publ., 1998. С. 770–787.
- Лекманов О. А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск: Водолей, 2000. 704 с.
- Тименчик Р. Д. А. А. Кондратьев // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 47–48.
- Тименчик Р. Д. Письма А. А. Кондратьева к Блоку // Литературное наследство. М.: Наука, 1991. Т. 92. Кн. 1. С. 552–562.
- Тименчик Р., Щербakov Р. Переписка [В. Я. Брюсова] с Н. С. Гумилевым (1906–1920) // Литературное наследство. М.: Наука, 1993. Т. 98. Кн. 2. С. 400–514.

References

- Annensky I. F. "Antichny mif v sovremennoi frantsuzskoi poezii". *Germes*. 1908. № 8 (14), pp. 210–213.
- Annensky I. F. *Knigi otrazhenij*. Moscow, 1979.
- Annensky I. F., Kondratiev A. A. "Satiressa". *Pereval*. 1907. № 4, pp. 62–63.
- Bogomolov N. A. "Gumilev i okkul'tizm". In Bogomolov N. A. *Russkaya literature nachala XX veka i okkul'tizm*. Moscow, 1999, pp. 113–145.
- Kondratiev A. A. *Graf A. K. Tolstoy: Materialy dlya istorii zhizni i tvorchestva*. St.-Petersburg, 1912.
- Kondratiev A. A. "Famirid". *Ponedel'niki gazety "Slovo"*. 15.05.1906. № 13, p. 2.
- Lavrov A. V. "Avtobiografii A. A. Kondratieva". *POLITROPON: K 70-letiyu Vladimira Nikolaevicha Toporova*. Moscow, 1998, pp. 770–787.
- Lekmanov O. A. *Kniga ob akmeizme i drugie raboty*. Tomsk, 2000. 704 p.
- "Literaturnaya letopis'." *Rech'*. 20.06.1909. № 106. p. 4. (n.a.).
- Timenchik R. D. "A. A. Kondratiev". *Russkie pisateli. 1800–1917*. Moscow, 1994. Vol. 3, pp. 47–48.
- Timenchik R. D. "Pis'ma A. A. Kondratieva k Bloku". *Literaturnoe nasledstvo*. Moscow, Nauka Publ., 1991. Vol. 92. Book 1, pp. 552–562.
- Timenchik R., Shcherbakov R. "Perepiska s N. S. Gumilevym (1906–1920)". *Literaturnoe nasledstvo*. Moscow, 1993. Vol. 98. Book 2, pp. 400–514.

Letters to the Teacher: On the Literary Relationship of Innokenty Annensky and Alexander Kondratiev

Kristina V. Sarycheva

Abstract: Alexander Kondratiev's seven letters to his teacher Innokenty Annensky kept in the Russian State Archive of Literature and Arts have never

been published before though their fragments have been cited by the scholars. The letters help to reconstruct the relationships between the two writers. The first letter was written in 1905 when Annensky sent to his disciple a book of verse “Tikhie pesni” (“Quiet songs”, 1904). In the main block of correspondence (1908–1909) the two writers discuss their literary plans, contemporary works of art and literature. They were both interested in ancient mythology, literary and theatric interpretations of ancient myths and archetypal plots. Kondratiev considered himself Annensky’s disciple, although he was not his follower in literature; furthermore, Kondratiev’s literary manner was alien to Annensky. From Annensky’s point of view Kondratiev failed to find an appropriate literary form for the mythological plots.

Keywords: Innokenty Annensky, Alexander Kondratiev, ancient mythology, Russian symbolism, neo-mythologism, correspondence.

Information about the author: Kristina V. Sarycheva, PhD, State Museum of History of Russian literature, Moscow. E-mail: kr.sarycheva@gmail.com.